

Мы всё больше осознаём необходимость беречь природу и предотвратить разрушение животного и растительного мира, которое приобрело сейчас очень страшные масштабы. В связи с этим употребляется слово “кризис”. **Кризис** – слово греческое, которое значит, в конечном итоге, **суд**. Критический момент – тот, когда ставится под вопрос всё прежнее. Понятие кризиса как суда очень важно; это может быть суд Божий над нами; это может быть суд природы над нами, момент, когда природа с негодованием, с возмущением отказывается с нами сотрудничать. Это может тоже быть момент, когда мы должны себя самих судить и во многом осудить. Вопрос о том, что мы за последние полстолетия сделали с нашей землей, ставится нашей совестью; суть его не в том, что нам выгодно, чтобы земля была плодородна и всё происходило бы на ней как можно лучше, а в том, какова наша нравственная ответственность перед миром, Богом сотворенным по любви и с любовью, миром, который Он призвал к общению с Собой. Разумеется, каждая тварь общается с Богом по-иному, однако нет такой твари, которая с Богом не может иметь какого-то общения; иначе понятие о чуде было бы невозможно. Когда Христос приказывает волнам улечься, ветру успокоиться, это говорит не о том, что у Него есть некая магическая власть над природой, а о том, что живое слово Бога каким-то образом воспринимается всякой Его тварью.

Кроме понятия о суде, которое содержится в слове **кризис**, есть в нем еще другое понятие, которое я услышал недавно. То же самое слово, которое мы произносим как **кризис**, суд над собой, на китайском языке значит **открывшаяся возможность**, и это очень важно. Понятие суда говорит о прошедшем; но когда ты себя оценил, когда ты оценил положение, в котором находишься, когда ты произнес суд над собой, следующий шаг – идти вперед, а не только оглядываться назад. Поэтому действительно в момент суда человек заглядывает глубоко в свою совесть, всматривается в то, что он совершил – и лично, и коллективно как человечество; и дальше думает, куда идти. И в тот момент, когда мы начинаем думать о будущем, мы говорим о **возможном**. Мы не дошли еще до такого момента, когда нет ни возврата, ни пути вперед. Когда никакого пути не будет ни в прошлое, ни вперед – наступит конец мира; мы до этого еще не дошли. Но все мы ответственны за что-то в этой природе, в которой живем; мы все отравляем землю, отравляем воздух, все мы принимаем какое-то участие в разрушении того, что Бог создал. И поэтому хорошо бы нам задуматься над тем, какова связь между Богом, сотворенным Им миром и человеком. На этом я и хочу остановить ваше внимание.

Первое, что явно из Священного Писания: всё существующее сотворил Бог. Это значит, что Он Своим державным словом вызвал к бытию то, чего раньше не было. Причем, **вызвал к бытию** для того, чтобы всему дать блаженство, всё привести к состоянию святости и совершенства. Если можно так выразиться, в момент, когда Бог творил человека и другие твари, Он их творил из любви, творил их, чтобы с ними поделиться тем богатством, которое Ему Самому принадлежит; больше того: не только богатством, которое Ему принадлежит, но даже как бы и Самим Собой. Мы знаем из Послания апостола Петра, что наше человеческое призвание (как оно отражается на остальной твари – мы подумаем дальше) – не только знать Бога, не только поклоняться Ему, не только служить Ему, не только трепетать перед Ним, не только любить Его, но в конечном итоге стать причастниками **Божественной природы** (2 Пет. 1, 4), то есть именно приобщиться Богу так, что Божественная природа нам прививается, мы становимся подобными Христу в этом отношении. Святой Ириней Лионский в одном из своих писаний употребил замечательное и, может быть, даже страшное, во всяком случае величественное выражение. Он говорит, что в конце времен, когда вся тварь дойдет до полноты своего существования, когда человек дойдет до своей полноты, всё человечество в единении с Единородным Сыном Божиим, силой Святого Духа, станет *единородным сыном Божиим*. Вот наше призвание в конечном итоге. Но это не значит, что человек призван к этому, а остальная тварь – нет. И я хочу обратить ваше внимание на несколько моментов библейского рассказа о сотворении.

Мы читаем рассказ о том, как Бог произносит слово – и начинается то, чего никогда не было раньше, зачинается, появляется в бытие то, чего не было. И первым появляется свет. Есть (правда, не библейское, но восточное) сказание о том, что свет рождается от слова. И это замечательная картина: Бог произносит творческое слово – и вдруг возникает свет, который является уже началом существования реальности. Дальше мы видим, как другие твари образуются велеением Божиим, как бы шаг за шагом совершенствуясь, и доходим до момента, когда создается человек. Казалось бы, человек является (и это действительно так и по Священному Писанию, и даже по самому простому, земному опыту) вершиной творения. Но рассказ о создании человека очень интересен. Нам не говорится, что Бог, создав самых высоких, развитых животных, дальше делает следующий шаг, чтобы еще более совершенное живое существо создать. Нам говорится, что когда все твари созданы, Бог берет глину земную и творит человека из этой глины. Я не хочу сказать, что это описание того, что совершилось, но этим указано, что человек создан из основной как бы материи всего мироздания. Разумеется, из этой же материи созданы другие существа, но подчеркнуто здесь, что человек не в отрыве от других существ, что он как бы в корне существования всех тварей, что он создан из того

элементарного, основного, из чего все остальные твари вышли. И это как бы нас делает родными не только – как неверующий бы сказал – “самым высоким формам животного мира”, это нас делает родными и самым низким тварям земным. Мы созданы из того же материала. И это очень важно, потому что, будучи родными всему тварному, у нас прямое соотношение с ним. И когда святой Максим Исповедник, говоря о призвании человека, пишет, что человек создан из элементов материального мира и из элементов духовного мира, что он принадлежит и духовному миру и вещественному, он подчеркивает, что благодаря этому, содержа в себе и вещественное и духовное, человек может привести все созданные твари к духовности и привести их к Богу. **Это** – основное призвание человека.

Это очень важный момент, потому что дальше приходит другой момент – момент воплощения Слова Божия. Бог становится человеком, Господом нашим Иисусом Христом. Он рождается от Девы, Он получает полноту Своего человеческого естества от Богородицы; полноту Своего Божества Он от века имеет от Бога и Отца. Слово стало плотью, как говорит евангелист Иоанн; **вся полнота Божества обитала в Нем телесно** (Кол. 2, 9). Он полностью Бог, Он полностью человек; Он совершенный человек потому именно, что Его человечество соединено с Божеством нераздельно и неразлучно. Но вместе с этим обе природы остаются собой: Божество не делается веществом, и вещество не делается Божеством. Говоря об этом, тот же самый Максим Исповедник дает такой образ. Если взять меч – холодный, серый, как бы без блеска – и положить его в жаровню, через некоторое время мы его вынимаем – и меч весь горит огнем, весь сияет. И настолько огонь, жар пронизал, соединился с железом, что теперь можно резать огнем и жечь железом. Обе природы соединились, пронизали одна другую, оставаясь, однако, самими собой. Железо не стало огнем, огонь не стал железом, и вместе с тем они неразлучны и нераздельны.

Когда мы говорим о воплощении Сына Божия, мы говорим, что Он стал совершенным человеком. Совершенным и в том смысле, который я только что указывал: Он совершенен, потому что Он дошел до полноты всего того, чем может быть человек, стал единым с Богом. Но вместе с тем Он совершенен и тем, что Он в полном смысле человек; мы явно видим, что Он стал потомком Адама, что та телесность, которая Ему принадлежит, это наша телесность. И эта телесность, взятая от земли, Его сродняет, так же как и нас, со всем вещественным миром. Он соединен Своей телесностью со всем, что вещественно. В этом отношении можно сказать (об этом опять-таки Максим Исповедник пишет), что Христово воплощение является космическим явлением, то есть это явление, которое сродняет Его со всем космосом, со всем, что создано; потому что в тот момент, когда начинает быть энергия или вещество, оно узнает во Христе себя самое в славе соединения с Божеством. И когда мы думаем о твари, о той земле, на которой мы живем, о мире, который нас окружает, о вселенной, малюсенькой частью, частицей которой мы являемся, мы должны себе представить и понять, что телесностью своей мы сродни всему тому, что материально во вселенной. И Христос, будучи человеком в полном, совершенном смысле этого слова, сродни Своей телесностью всей твари: самый маленький атом или самая великая галактика в Нем узнает себя самое во славе. Это очень важно нам помнить, и мне кажется, что, кроме православия, ни одно вероисповедание на Западе не восприняло космичность воплощения и славу, открывшуюся для всей вселенной через воплощение Христово. Слишком часто мы говорим и думаем о воплощении как о чем-то, что случилось только для человека, для человечества. Мы говорим, что Бог стал человеком, для того чтобы спасти нас от греха, чтобы победить смерть, чтобы упразднить разделение между Богом и человеком. Конечно, это так, но за пределом этого есть всё остальное, о чем я сейчас старался как-то упомянуть и на что старался, хоть неумело, указать.

Если так себе представлять вещи, то мы можем по-иному, с гораздо большей реалистичностью, глубиной, с ужасом и благоговением воспринимать таинства Церкви. Потому что в таинствах Церкви совершается нечто совершенно изумительное. Над частицей хлеба, над малым количеством вина, над водами крещения, над маслом, которое приносится в дар Богу и освящается, совершается нечто, что уже теперь приобщает это вещество к чуду воплощения Христова. Воды крещения освящены телесностью Христа и благодатью Всесвятого Духа, сходящего в них и совершающего это чудо. Хлеб, вино приобщаются и телесности и Божеству Христовым через сошествие Святого Духа. Это уже вечность, вошедшая во время, это вечность, то есть будущее, уже находящееся сейчас явно перед нами, среди нас.

То же самое можно говорить о всем, что освящается. Есть замечательные молитвы, которые мы никогда не слышим, потому что у нас нет к тому случая. Например, есть изумительная молитва освящения колокола. В ней мы просим Бога освятить этот колокол так, чтобы, когда он будет звучать, он доносил до человеческих душ нечто, что их пробудит; просим, чтобы, благодаря этому звуку, затрепетала в них вечная жизнь. Есть стихотворение (по-моему, Кольцова, но я не уверен), которое я сейчас попробую вспомнить:

Поздний колокол, звучащий над равниною большою,
Прогреми над сердцем спящим, над коснеющей душою.
Звоном долгим, похоронным, всепрощающе-прощальным
Прогреми над сердцем спящим, безнадежно-беспечальным!
Может быть, оно проснется и стряхнет с себя забвенье,

И быть может, содрогнется на мгновенье, на мгновенье....

И вот когда мы освящаем колокол, мы это именно имеем в виду. Мы просим этому колоколу дать не только музыкальный звук (это, при умении, можно создать из чего угодно), но просим: пусть благословение Божие ляжет на этот колокол так, чтобы его звук (простой, как все звуки; он не будет звучать иначе, чем другой колокол, созданный без молитвы, без цели обновлять, оживлять души) так прозвучал, чтобы дошел до человеческой души и чтобы эта душа проснулась. Так что, видите, речь идет не только о том, чтобы освящать вещество: во ды, масло, хлеб, вино и так далее, но чтобы всё могло быть принесено Богу в дар от нас, принято Богом, и чтобы Бог влил, включил в это вещество Божественную преображающую силу. Мне кажется, что это очень центрально в нашем понимании и Христа, и космического, то есть вселенского, всеохватывающего значения воплощения Христова.

Это относится и к слову; ведь не только колокол звучит и обновляет души, но слово человеческое звучит и обновляет души – или убивает душу. Если слово мертвое, оно убивает, если оно живое, оно может прийти до человеческих глубин и там разбудить возможность вечной жизни. Вы, наверное, помните то место в Евангелии от Иоанна, когда сказанное Христом смущает окружающих Его людей, и люди от Него отходят. Спаситель обращается к Своим ученикам и говорит: “Не хотите ли и вы уйти от Меня?” И Петр отвечает за других: “Куда нам идти? **У Тебя глаголы вечной жизни**. Здесь речь не идет о том, что Он так знает вечную жизнь, так ее описывает, что ученики горят желанием в нее войти. Если мы прочтем Евангелие, мы увидим, что Христос нигде о вечной жизни специально не говорит, в том смысле, что Он ее не описывает, не представляет перед нами картины вечности, или ада, или неба. Нет; **сами слова** Христовы были таковы, что когда Он говорил с людьми, его слова доходили до той глубины человека, где покоится возможность вечной жизни и, как искра, упавшая на сухое дерево, загоралась в человеке вечная жизнь. Мне кажется, что это очень важно себе представить.

Это относится не только ко Христу, Чье слово, конечно, доходило сильнее любого другого: но также и к тем великим учителям и проповедникам, которые своим словом преображали жизнь других людей. И звук вещественен, и свет вещественен. Всё вещественное и всё материальное (и столь великое, что мы не можем даже себе представить его размеров, и столь малое, что мы не можем его уловить даже прибором) именно благодаря тому, что человек создан из земли, то есть принадлежит своей плотью веществу, – всё охвачено Христом, включено во Христа. И поэтому когда нам говорится, что призвание человека – уйти в глубины Божии, сродниться с Ним так, чтобы быть с Богом воедино, и через это преобразить свою телесность, и в течение этого процесса преображать весь мир вокруг, – это не слова, а реальность, это конкретное наше призвание, то, что нам дано как задача.

Но почему же мы так малоуспешны? Мне кажется, что стоит заглянуть в Священное Писание и поставить перед собой вопрос: что же случилось? (Я, конечно, буду говорить отрывочно, потому что развивать тему я сейчас не могу просто по времени). Когда человек был создан, ему была открыта возможность наслаждаться всеми плодами рая, но он не зависел для своего существования от этих плодов. Как Христос сказал дьяволу, когда был искушаем им в пустыне, **не хлебом единым будет жить человек, а всяким словом Божиим** (Лк. 4, 4). Человек жил, конечно, не словами Божиими, а творческим Словом Божиим и своей приобщенностью к Богу. В момент его отпадения от Бога вот что случилось. Во-первых, между человеком и человеком получилось разделение. Когда Ева была сотворена из Адама, они друг на друга посмотрели и Адам сказал: это плоть от плоти моей, кость от кости моей (Быт. 2, 23). То есть, он увидел в ней себя самого, но уже не замкнутого в себе, а перед собой как бы, он увидел в ней не отражение, а свою собственную реальность; и Ева так же. И они были едины. Грех не только их разделил, но и разбил цельность отношений человека со всем окружающим миром. И теперь, когда человек оторвался от Бога, потерял способность жить только Божиим словом, Бог ему дает возможность и задачу: **возможность** существовать тем, что он будет получать некоторую долю своей жизни от плодов земли, и задачу возделывать эту землю. Без этого он умрет, он больше не может жить одним Богом. Человек как бы вкоренен и в Бога, Которого он не потерял до конца, и в землю, в которую погрузился корнями, чего ему делать не следовало, потому что его призвание было – эту землю вести к Богу, быть как бы вождем. Мы читаем в Библии, что человеку было сказано обладать землей, и постоянно толкуем это слово в смысле: иметь над ней власть, властвовать над ней. **Обладать** не обязательно это означает. Вы, наверное, помните опять-таки из Евангелия место, где Христос говорит: властители земли властвуют над своими подчиненными; не так да будет с вами, – первый из вас да будет всем слуга (Мк. 10, 42-44). Это и было призванием человека: быть слугой не в каком-то унижительном смысле, – быть тем, который служит всей твари в ее восхождении к Богу и ее постепенном укоренении в Боге и в вечной жизни.

А потом приходит другой момент. Если вы прочтете внимательно рассказ о поколениях от падения Адама до потопа, вы можете заметить, что число лет жизни упоминаемых лиц всё уменьшается. В другом месте Священного Писания (я не могу сейчас точно процитировать) говорится, что после падения постепенно водворялась смерть, что смерть стала постепенно владеть человеком, вернее, человечеством, всё больше и больше, потому что человечество всё дальше и дальше отходило от единства с Богом и всё

глубже погружалось в тварность, которая сама по себе жизни вечной и даже продолжительной жизни земной дать не может. Два исключения однако в этом ряду. Одно – Мафусаил, который жил больше всех своих предков и потомков; о нем сказано, что он был другом Божиим и жил столько-то лет. Другое – Енох, который, потому что он был другом Божиим, умер, по библейскому рассказу, молодым: всего трехсот с чем-то лет... Для нас это, конечно, не молодость, но по сравнению с другими он был молод. Но долгожизненность одного и ранняя смерть другого были обусловлены тем, что оба были больше, чем кто-либо, соединены с Богом. Богу было нужно, чтобы один жил, и Богу нужно было, чтобы другой к Нему пришел.

А потом приходит потоп, и в тексте есть еще место, о котором можно задуматься. Люди всё дальше и дальше отходили от Бога, до момента, когда Бог, взглянув на них, сказал: эти люди стали плотью (Быт. 6, 3). Духовности в них не осталось, и пришел потоп, смерть пришла на них. И после потопа Господь говорит впервые: теперь вам предоставляются в пищу все живые существа. Они вам будут служить пищей, а вы будете их ужасом (Быт. 9, 2-3). Это очень страшно. Страшно себе представить, что человек, который был призван всякое существо вести по пути к преображению, к полноте жизни, дошел до того, что больше не может взлетать к Богу, и вынужден свою пищу добывать убийством тех, кого должен был вести к совершенству. Здесь как бы замыкается круг трагедии. Мы находимся в этом кругу, мы всё еще неспособны жить только вечной жизнью и словом Божиим, хотя святые в значительной мере возвращались к первоначальному замыслу Божию о человеке. Святые нам указывают, что надо молитвой, духовным подвигом постепенно высвободить себя от нужды питаться плотью животных, переходить только на растительную пищу и, уходя в Бога всё больше и больше, нуждаться в ней всё меньше и меньше. Были святые, которые жили только тем, что раз в неделю приобщались Святых Тайн.

Вот в каком мире мы живем, вот к чему мы призваны, вот какая была данность. Вот наше православное представление о том, каков мир и как Бог с этим миром связан: не только как Творец, Который просто творит и остается чужим Своей твари. Даже художник не остается чужим тому, что он творит; всякий может узнать руку художника или его печать на его творчестве. Здесь же речь идет о другом. Бог не просто творит и пускает жить тварь, Он с ней остается связанным и зовет ее к Себе, чтобы она выросла в полную меру данных возможностей: из невинности – к святости, из чистоты – в преображенность. Вот представление, которое есть у нас в Православной Церкви о тварном мире, о соотношении Бога с человеком и со всей тварью без исключения, и о роли человека. Тогда становится понятен, с точки зрения Православной Церкви, вопрос о нашей роли в том, что мы сейчас делаем с землей. Вопрос стоит не: “то, что мы делаем с землей, нас погубит”, а: “то, что мы делаем с землей, является нарушением нашего человеческого призвания”. Мы сами себя губим и мы закрываем путь другим тварям к преображенной жизни.

[1] Беседа в лондонском приходе 6 июня 1991 года.